

Веред Валерия Тарасовна
Российский университет дружбы народов
e-mail: val.pradap940@gmail.com

КОНСТРУКЦИИ С ЛИЧНЫМИ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫМИ МЕСТОИМЕНЕНИЯМИ В СВЕТЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу некоторых грамматических конструкций с личными (я, мы) и притяжательными (мой, наш) местоимениями в русском и английском языках с точки зрения отражения в них национальных и мировоззренческих установок представителей данных лингвокультур. Особое внимание уделяется функционально-семантической специфике дейктических средств сопоставляемых языков. Анализируются актуальные культурные и языковые прецеденты. Делается вывод о принципиальной роли местоимений в концептуализации действительности.

Ключевые слова: личные местоимения, притяжательные местоимения, языковая картина мира, функциональная грамматика, сопоставительное языкознание.

Valeriya Vered
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
e-mail: val.pradap940@gmail.com

STRUCTURES WITH PERSONAL AND POSSESSIVE PRONOUNS IN THE LIGHT OF LINGUISTIC WORDVIEW

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of some grammatical structures with personal (I, we) and possessive (my, our) pronouns in Russian and English. The emphasis is put on the way those collocations reflect linguistic worldview of the cultures under consideration. Special attention is paid to the functional and semantic features of the deictic items in the two languages. Relevant cultural and linguistic cases are cited. A conclusion is drawn about the major role of those pronouns in the conceptualization of reality.

Keywords: personal pronouns, possessive pronouns, linguistic worldview, functional grammar, comparative linguistics.

Понятие языковой картины мира, восходящее к идеям немецкого романтизма и представлениям В. фон Гумбольдта о «духе народа» и самобытности каждого этноса, получило в XX в. дальнейшее научное обоснование в гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, а в XXI в. стало отправной точкой в лингвокультурологии, когнитивной лингвистике и смежных с ними дисциплинах.

В рамках данной статьи хотелось бы рассмотреть случаи узуального использования конструкций с личными и притяжательными местоимениями в русском и английском языках и определить их роль в концептуализации действительности. Новизна заявленной темы заключается в том, что в большинстве работ, проводимых в русле когнитивного направления, в качестве основных средств языковой экспликации картины мира преобладает анализ номинативных единиц, в то время как дейктические средства незаслуженно отодвигаются на второй план.

Местоимение признается лингвистами закрытым грамматическим классом слов, не пополняемым в настоящее время новыми единицами. Основная функция местоимений – указание на участников речевой ситуации. В индоевропейских языках набор личных и притяжательных местоимений практически идентичен, что объясняется общностью языковой эволюции, однако использование (т. е. прагматика) местоимений может варьироваться от языка к языку. «Благодаря узусу прагматическое значение закрепляется как одно из значений данного языкового элемента в социуме», – замечает В. В. Дементьев [4, с. 40]. Прагматическое варьирование местоимений свидетельствует о специфическом отношении говорящих к данным единицам языка и о «разности» языкового преломления действительности в той или иной лингвокультуре.

С этой точки зрения интересен контраст в использовании личных местоимений 1 лица единственного числа *я* и 2 лица множественного числа *мы* в русском и английском языках. В русском языке регулярна конструкция типа *мы с другом + предикат*. Своеобразие данной конструкции заключается в ее кажущейся на первый взгляд избыточности, поскольку в объем понятия «мы» и так включается несколько человек (*я* и «кто-то еще»). При этом уточнение в виде предлога с существительным в творительном падеже семантически оправданно, так как слушателю вне контекста не ясно, какая именно совокупность объектов составляет понятие «мы».

Рассмотрим следующий микроконтекст: *Мы с другом вызвались освободить бравого сержанта для более занимательных дел (В. Астафьев)*. Сочетание *мы с другом* является стилистически нейтральным и представляет участников события как некий коллектив. Сочетание *я с другом* в русском языке допустимо, однако обладает дополнительными коннотациями и оттенками смысла и употребляется лишь в ограниченном наборе контекстов.

Б. Ю. Норман в этой связи заключает: «Мы с X» – это, так сказать, славянское изобретение. В других языках данный смысл выражается через сочинительную конструкцию: «я и X» или «X и я» [6, с. 58]. На наш взгляд, данная синтаксическая конструкция кодирует важный для носителя русского языка смысл коллективной ответственности и взаимодействия людей как единого сплоченного целого (а не как атомарных единиц).

В английском языке для описания ситуаций, в которых принимают участие, помимо говорящего, и другие люди, используется конструкции: *my friend and I + предикат* или *I + предикат + with my friend*, что свидетельствуют о принципиальной неслиянности акторов в сознании носителей английского языка.

Рассуждая о конструкции «я + сущ. в твор. падеже», нельзя не упомянуть о совершенно свежем языковом и культурном факте. Так, в 2019 году в связи со сфабрикованным уголовным делом против российского журналиста Ивана Голунова по стране прокатилась волна протеста. Три крупнейших деловых газеты – «РБК», «Ведомости» и «Коммерсант» – вышли с оформленной в единой стилистике первой полосой, на которой крупным шрифтом было напечатано: *Я/Мы Иван Голунов*. «Солидарность должна быть без «я», она как раз про «мы», – так объяснили свою задумку Святослав и Анастасия Вишняковы, дизайнеры слогана [1]. Именно благодаря широкому общественному резонансу дело Ивана Голунова вскоре прекратили из-за отсутствия доказательств.

Слоган отозвался в сердцах людей и стал использоваться для ряда последующих громких судебных разбирательств как выражение народного несогласия с косной «системой» (см.: *Я/Мы Шиес*, *Я/Мы сестры Хачатурян*, *Я/Мы Сергей Фургал*, *Я/Мы Павел Устинов*).

Слоган, возникший в русскоязычном пространстве, можно сравнить с аналогичными западноевропейскими и американскими протестными вербальными символами: *me too* (досл.: я тоже) и *Je suis Charlie* (досл.: Я Шарли). Однако, как видно из примеров, только в русскоязычном слогане отражается полное слияние личного и коллективного, что подкрепляется и графически – переплетением «я» и «мы».

Это еще раз подтверждает тезис о том, что англосаксонская культура характеризуется развитым чувством индивидуализма в отличие от русской культуры, где доминирует представление о важности не личного, а коллективного благополучия.

Данное культурное различие фиксируется и в использовании притяжательных местоимений *мой / ту* и *наш / our*. Так, словосочетание *в нашей стране* встречается в основном корпусе НКРЯ в 53,6 раза чаще, чем сочетание *в моей стране* (3645 единиц против 68) [5]. Необходимо отметить, что конструкция с притяжательным местоимением 1 лица всегда эмоционально окрашена и реализуется в коммуникативной ситуации, когда говорящий принципиально не желает отождествлять себя с конкретной нацией, чувствует себя оторванным от страны и сограждан либо выражает персонализированные, интимные мысли и чувства, не поддающиеся обобщению, как, например, в приведенных ниже поэтических строках: *И в моей стране и в твоей стране // до рассвета спят – не спиной к спине* (А. Вознесенский).

Местоимение *наш* чрезвычайно продуктивно в современном социокультурном пространстве и может использоваться не только как дейктическое слово,

но и как полнозначительное субстантивированное местоимение: в названии романа Н. А. Лейкина «Наши за границей» или в экспрессивном фразеологизированном восклицании «Знай наших!». В представленных контекстах местоимение теряет свое первичную дейктическую функцию и становится «выразителем культурно-значимой семантики, касающейся национально-обусловленных речевых стратегий говорящих по-русски [3, с. 76].

Поиск на материале открытой коллекции The British National Corpus показал, что частотность сочетания *in our country* лишь в два раза превосходит частотность аналогичного сочетания с местоимением *my* (81 против 38) [7]. В английском языке притяжательные местоимения в анализируемом микроконтексте взаимозаменяемы. Ограничения накладываются только в том случае, если говорящий беседует о своей стране с иностранцами. В подобной коммуникативной ситуации предполагается использование притяжательного местоимения 1 лица. При этом допустимо, а в некоторых случаях желательно, заменять оборот *in our / my country* на нейтральное сочетание *in this country* или употреблять название конкретной страны, поскольку чрезмерное «жонглирование» притяжательными местоимениями, имплицитно делящими мир на «своих» и «чужих», кажется, по замечанию Л. Виссон, для носителей английского языка «слегка шовинистским» [2, с. 42].

В русской языковой традиции, наоборот, использование в разговорной речи подчеркнуто корректного словосочетания *в этой стране* имеет несколько негативный, претенциозный оттенок.

Таким образом, описанные языковые конструкции и контекст их употребления демонстрируют разницу в восприятии мира представителями русской и англосаксонской лингвокультуры. Так, для носителя русского языка свойственно отождествление себя со страной и народом, большая степень культурной идентичности и национальной солидарности, что характеризуется специфическим использованием личного местоимения *мы* в конструкции «мы с X» и притяжательного местоимения *наш* в сочетании «наша страна».

Для представителя англосаксонской культуры на первом месте стоит его персональная автономность, индивидуальность, происходит более четкое размежевание личной и общественной сферы, что отражается в широкой экспансии местоимения первого лица единственного числа и соотносимого притяжательного местоимения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Было очень страшно за всех // Meduza: [сайт]. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/06/12/bylo-ochen-strashno-za-nas-vseh>. – Дата доступа: 1.02.2022.
2. Виссон, Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / Л. Виссон. – М. : Р. Валент, 2005. – 191 с.

3. Гранева, И. Ю. О культурной значимости русских личных и лично-притяжательных местоимений в составе фразеологизмов / И. Ю. Гранева // Научный диалог. – 2017. – № 12. – С. 74–87.
4. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 560 с.
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа: 1.02.2022.
6. Норман, Б. Ю. Лингвистическая прагматика на материале русского и других славянских языков / Б. Ю. Норман. – Минск : БГУ, 2009. – 183 с.
7. British National Corpus (BNC) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. – Дата доступа: 1.02.2022.